

Жилище у озера

Писатель Василий Белов как-то справедливо заметил: «Вне памяти, вне традиции и культуры нет личности. Память формирует духовную крепость человека».

Большую исследовательскую работу «по восстановлению памяти» провели учителя и учащиеся сельской школы села Русский Юрткуль Старомайнского района Ульяновской области. Они изучили не только историю села, когда-то входившего в состав Казанской губернии, но и биографии неординарных людей, связанных с их малой родиной. Среди них оказался крупный учёный второй половины XIX века, философ и филолог, ректор Казанского университета (1882–1885) Николай Никитич Булич.

На озере Жибленка

Н.Н. Булич

«Мой адрес: село Юрткули»

Село Русский Юрткуль, расположенное недалеко от райцентра на северо-востоке Старомайского района, ведёт свою историю со второй половины XVII века. Однако в его окрестностях часто находили наконечники стрел, копий, женские бронзовые украшения. Всё это свидетельство того, что вокруг современного поселения жизнь существовала со времён бронзового века.

Селение основали мордовские поселенцы, и первоначально оно называлось Яркуль – «озеро с крутыми берегами». Позже название трансформировалось в Юрткуль. Этот вариант названия, дошедший до нашего времени, можно перевести с татарского как «жилище у озера». В 1698–1699 годах по указу Петра I коренное население этих деревень было выселено, а на их земли и усадьбы были водворены польские шляхтичи.

Имело когда-то село и другое название – Архангельское (по построенной здесь церкви Архангела Михаила), но оно не прижилось. Его победило старое, более привычное и оригинальное – Юрткуль.

Церковь была построена в 1869 году на средства прихожан. Главный престол во имя Архангела Михаила и придельные: с правой стороны – в честь Преображения Господня, с левой – во имя Казанской Божией Матери. Главный престол был освящён в 1870 году, другие несколькими годами позже. В конце XIX века по указу Казанской духовной консистории внутри храма сделали ремонт и вновь освятили все приделы.

В Национальном архиве республики Татарстан есть сведения о юрткульской церкви: «Зданием каменная с таковой же в одной связи колокольней, крепкая; храм с 1898 года устроен тёплый; ограда вокруг каменная, сооружена в 1885 году. В главном храме иконостас трёхъярусный, а придельные одноярусные»... Из «Известий по Казанской Епархии» за 1885 год известно, что местный причт состоял из священника, дьякона и псаломщика. «Церковной земли при церкви выделено 30 дес. пахотной вся в одно поле и 3 дес. усадебной; причт пахотной землёй пользуется непосредственно сам...».

Надо отметить, что юрткульские земли привлекали многих помещиков. Например, к 1816 году в селе значились владения подполковника Василия Васильевича Аристова, титулярной советницы Татьяны Ильиничны Аблязовой и других.

Василий Аристов – защитник Отечества и чужак

Род Аристовых внесён в 3-ю часть дворянской родословной книги Казанской губернии. Владелец юрткульских земель Василий Васильевич Аристов родился предположительно в 1787-м году. Как и большинство дворян, был записан в военную службу, девятнадцать лет участвовал в русско-прусско-французской войне, дослужился до подполковника, сражался в войне с Наполеоном: в 1812 – в качестве батальонного начальника Казанского губернского ополчения, в 1812–1816 – как дежур-майор Симбирского ополчения. Лишь в 1816 году был уволен с военной службы и перешёл на службу гражданскую. В нескольких поволжских городах в разное время встречается фамилия земского исправника Василия Васильевича Аристова. Имел он дома, имения, крестьян. Так, в Казани ему принадлежал деревянный одноэтажный дом, в селе Ермоловка Самарского уезда Симбирской губернии – родовых 128 душ крестьян, в селе Юрткуль Спасского уезда Казанской губернии – приобретённых 27 душ крестьян, за женой его там же 107 душ крестьян и в деревне Николаевка Самарского уезда Симбирской губернии 56 душ крестьян, часть родового населённого имения, доставшаяся по разделу с родственниками в сёлах Урахча и Гремячка Лаишевского уезда.

Василий Васильевич слыл в округе известным чудаком. «Что касается до оригинальности и чудачества, в нём их было весьма много... в качестве помещика он был добряк; главная оригинальность его заключалась в том, что он всю жизнь ездил: из Казани в Симбирск, из Симбирска в Самару, оттуда на серные воды, а потом опять обратно, ездил, сам не ведая зачем, и постоянно с вечера не зная, куда он поедет завтра утром, и ездил в тарантасе, на своей тройке, со своими собственными Селифаном и Петрушкой, которые и до сих пор живы, совсем

сивые старики... Дом у них был на Поповой горе, сгорел в 1842 году...». Так писал о Василии Аристове экстраординарный профессор Казанского университета Николай Никитич Булич своему знакомому М.Ф. Де-Пуле 21 декабря 1874 года, уже хорошо изучивший тестя за тринадцать лет брака с его дочерью Юлией Васильевной (в девичестве Аристовой).

Либеральный профессор Николай Булич

Когда-то интерес к философии сблизил студента Казанского университета Николая Булича со Львом Толстым. Уже в преклонном возрасте Николай Никитич напишет в письме к Н.Я. Гроту: «Один из его товарищей, близкий мне, познакомил нас, и мы часто видались: и на губернских балках, танцуя, и в его комнатке, возле тёмных хор, в квартире его тётки, и у меня. Тогда мы вели серьёзные разговоры и всего больше о философии. Я изучал Спинозу, и помнится впечатление, произведённое на меня оригинальным умом Толстого». Однако Лев Толстой, тогда студент юридического факультета, разочаровавшись в университетской науке и разочаровав отдельных преподавателей, покинул Казань, а Николай Булич в 1845 году по окончании университетского курса получил золотую медаль и звание кандидата. Через четыре года Булич с блеском защитил магистерскую диссертацию и был удостоен степени магистра философских наук. Впоследствии по независящим от него причинам ему пришлось изменить направление своей научной деятельности на филологию. Но он никогда не сожалел об этом: «Обращение моё к русской литературе было совершенно случайно, но я утешаю себя мысленно, что дружба часто возникает из случайных и непредвиденных знакомств».

Матвеевская участковая больница построена из срубов дома Н.Н. Булича

Сохранившаяся аллея

В ноябре 1854 года удостоенный степени доктора славяно-русской филологии Н.Н. Булич был утверждён в должности экстраординарного профессора Казанского университета по кафедре русской словесности. Вскоре он отправляется в заграничную командировку. Два года, проведённые в Европе, позволили ему познакомиться с уровнем развития гуманитарных наук на Западе. «Знакомство с немецкой философией помогло мне тогда в Берлине сблизиться с такими представителями правой ветви гегелианства, как Шульце, Мишеле, Дов (физик) и даже с Лассалем... Как член философского общества я участвовал по каким-то дням в неделю, по вечерам в их простых, но содержательных беседах», – писал учёный позже в своей автобиографии.

Он вернулся в Казань летом 1858 года «со страстным желанием» подготовить новый курс по истории русской литературы с XVII века. Лекции Булича, да и сама личность учёного вызывали большую симпатию и уважение студентов Казанского университета. Они приходили в восторг от чтений молодого профессора и даже сочинили эпиграмму на своего любимого преподавателя:

*Говорят, что наш печальный,
Наш озёрный мрачный край,
Освещает либеральный
Только Булич Николай!..*

Тёплые воспоминания и портретное описание Булича тех лет оставил

Д.А. Корсаков – его ученик, впоследствии также профессор Казанского университета: «Николай Никитич Булич, в 1856 году [...] экстраординарный профессор по кафедре русской словесности, привлекал к себе, прежде всего, своей внешностью, необыкновенно изящной и щеголеватой. [...] Это был высокого роста брюнет, с вьющимися, но тщательно причёсанными волосами, всегда безукоризненно одетый, с ровной походкой и мягкими, любезными манерами в обращении; с плавной, размеренной и тихой, но вместе с тем едкой и насмешливой речью; с задумчивым, сосредоточенным и нередко ироническим выражением лица...». Неизбалованное казанское студенчество заслушивалось лекциями молодого профессора и после одной из них разразилось аплодисментами. Это обстоятельство и повлекло за собой весьма негативные последствия для Булича. 14 октября 1859 г. начались в университете неприятные события, вошедшие в историю университета как «Дело Булича». В 1850-е годы выражение публичного одобрения или недовольства лекциями преподавателей во избежание беспорядков было «высочайше» запрещено. За аплодисменты после лекции Булича были исключены из университета 9 студентов, в том числе двое дворянского происхождения. Эта ситуация отозвалась для профессора большими неприятностями. Они сыпались на него буквально со всех сторон.

Он приобрёл репутацию «неблагонадёжного» человека. 23 февраля 1860 года Булич, вследствие подозрения «во вредном направлении его чтений», был уволен с должности профессора и был вынужден уехать в Петербург. Весь 1860 и начало 1861 года он работал в публичной библиотеке над докторской диссертацией по философии эпохи Возрождения, успешно выступал с публичными лекциями. В это время он сблизился с выдающимися деятелями науки и литературы обеих российских столиц: в Москве – с Ф.И. Буслаевым, В.Ф. Коршем, Н.С. Тихонравовым; в Петербурге – с Я.К. Гротом, И.И. Срезневским, А.В. Дружининым, И.С. Тургеневым, Н.Г. Чернышевским.

Между тем историко-филологический факультет и совет Казанского университета неустанно хлопотали о возвращении блестящего преподавателя. И зимой 1861 года Булич возобновил чтение лекций. Интерес к ним был по-прежнему высок. Учёный писал брату Константину: «Начал лекции, читал две, сегодня третья. Народу много: студенты, профессора, попы, офицеры. Читаю в трёх аудиториях разом. Из самой большой отворяются двери в соседние, и они полны [...]. Дай бог, чтобы всё шло как по маслу...».

В эти и все последующие годы Булич отдавал работе всего себя. Подтверждение тому его историко-литературные труды, посвящённые

Пушкину, Карамзину, Ломоносову, Достоевскому, Жуковскому.

Однако своим главным делом он всегда считал преподавательскую работу. Тридцать пять лет (1851–1885) Н.Н. Булич возглавлял кафедру русской литературы в Казанском университете и был бессменным преподавателем истории отечественной словесности. К сожалению, лекционный материал не был опубликован и, по всей видимости, погиб вместе со всем огромным рукописным архивом Булича во время пожара в имении в селе Юрткуль. Лишь «Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века» были изданы в Петербурге сыном учёного Борисом Николаевичем Буличем после смерти отца. Научная основательность этого труда, выдержавшего два издания, представляет большой интерес и для современного литературоведения.

На университетской службе Н.Н. Булич получил чин тайного советника, имел ордена Св. Анны и Св. Станислава первых степеней. В 1883 г. Академия наук выбрала его своим членом-корреспондентом, а Совет Казанского университета – Почётным членом.

Николай Никитич Булич умер 24 мая 1895 года в своём имении в селе Юрткуль Спасского уезда Казанской губернии, так и не дописав историю родного университета. Но его *Almamater* благодарна этому человеку за честную службу, за свою первую историю и за уникальную библиотеку, подаренную им за год до смерти. Похоронен Николай Никитич в Казани.

Жилище у озера

Николай Никитич Булич владел землями, расположенными на территории современного села Русский Юрткуль. Местные жители называли барина Буличев, меняя его фамилию на свой лад. Николай Никитич построил здесь усадьбу для себя и своей семьи, однако приезжал сюда, как правило, только на лето, отдохнуть: «И нынче я собирался на воды за границу, мечтал, что поеду через Полтаву и Киев, неожиданно явлюсь к Вам и заведу личное знакомство. Думал потом ехать на Кавказ, но потом справился со здоровьем и через

неделю, забрав с собою 50 бут[ылок] Эссентукской воды, уезжаю в те же самые Юрткули Спасского уезда, в тот же самый дом, под тень тех же самых лип и берёз, под которою 33 года тому назад я гулял со стариком – героем вашей культурной хроники...

Мой адрес: в Спасск, Каз. Губ., а отсюда в село Юрткули. Я еду 30 мая, сначала на пароходе, вниз по Волге, а потом вёрст 40 на лошадях. Во всяком случае, выехав рано поутру, я уже вечером дома, охваченный простором и тишиною деревни, свежестью сада, соловьиною песнью, запахом сирени и ландышей. Казань воображается где-то очень далеко, а сам представляешь себя заброшенным в страшную глушь...».

В середине XIX века он привёз сюда рабочих крестьян из Углича Тверской губернии, выменяв их на породистых собак. Приехали семьи Кузнецовых, Максимовых, Пахомовых, Семёновых и других фамилий. Коренных жителей тогда в селе было мало, поэтому и приходилось завозить крестьян извне.

Сначала Булич подобрал удобный участок для постройки большого одноэтажного дома, для своей семьи и прислуги. Сразу после этого заложили небольшую часовню, в которой во всех четырёх углах находились иконы. Рядом с домом построили «людскую», здесь же пристроили столовую для крестьян, отдельно – общественную баню и конюшню.

В 1881 году разбили сад. Но сначала перекрыли плотиной запруду, и на месте оврага, расположенного недалеко от дома, образовалось озеро Жибленка. К тому времени в барском доме уже был выкопан погреб и кладовые землянки для хранения вина собственного производства. Вокруг Жибленки высадили яблони разных сортов, отступив около 70 метров от дома, устроили липовую аллею. С южной и юго-восточной стороны усадьбы отвели 50 соток под основную рощу. С северной стороны выделали место морозоустойчивым сортам яблонь. К югу от яблоневого сада посадили клён канадский, дуб черешчатый, липу и березняк. На западе усадьбы высадили акацию, а с фасада дома благоухала сирень двух сортов: белая и лиловая. Три сосны и три ели, посаженные полукругом,

дополняли картину. Всю барскую усадьбу огородили забором, сделали ворота въезда и выезда, которые запыривались в ночное время.

Местные жители сразу облюбовали кленовую рощу и стали устраивать там гуляния во время церковных праздников.

На Жибленке поставили водопровод для полива деревьев: вкопали два столба в берег озера, закрепили на них железный шест с колесом. На колесе на одинаковом расстоянии друг от друга крепились вёдра. Когда колесо вращали, вёдра наполнялись водой, поднимаясь наверх, сталкивались и опрокидывались в жёлоб. Вода по нему стекала в большие бочки, из которых разносилась по нужным направлениям. Для удобства полива, деревья разместили в 4 посадки, а деревянные желоба переносили, чередуя поливку.

После смерти Николая Никитича Булича его сын Борис уехал из усадьбы, оставив всё хозяйство на управляющего. Лишь пару раз в год приезжал он сюда для сбора и продажи зерна и решения других хозяйственных вопросов. В 1917 году уехал из страны совсем, а люди, оставшиеся в усадьбе, продолжали заниматься привычными делами: плотничали, обрабатывали землю, ухаживали за садом.

В начале 1930-х годов барский дом разрушили, и часть срубов перекатали в Матвеевское поселение, чтобы построить там больницу. Здание это цело до сих пор и сегодня по-прежнему служит людям.

В 1942 году пострадала кленовая роща, посаженная Буличем. Эвакуированные в здешние края из Прибалтики переселенцы в лютые морозы срубили много деревьев на дрова.

Озеро Жибленка доставляло много хлопот, постоянно разливаясь во время весеннего половодья. Каждый год приходилось окапывать его берега.

Сад Булича по-прежнему существует на территории села. Школьники постепенно благоустраивают его: убирают мусор и валежник, устанавливают аншлаги, напоминающие о том, какие замечательные люди жили в селе, сохраняют наследие, которое им осталось, и чувствуют свою причастность к истории своей малой родины.

Наталья Гафурова
Фото из архива автора